

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В РУССКОЙ ПЕСНЕ XX ВЕКА

А.Н. МАТРУСОВА

ANMatrusova@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:

*русская песня,
семантические оппозиции,
ценность, аксиология, жизнь,
смерть*

DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.010

В статье на материале текстов русских песен XX в. рассматриваются аксиологемы «жизнь» и «смерть» как члены фундаментальной семантической оппозиции, принадлежащей русской языковой картине мира и лишь незначительно меняющейся на протяжении XX в.

В познании мира человек использует многочисленные методы, и по мере развития человечества эти методы становятся все более разнообразными и сложными. Однако с древних времен и до сих пор есть простейшие инструменты, которые позволяют описывать мир и оценивать события в нем, и среди этих инструментов – противопоставление. Противопоставление лежит в основе детского познания мира: конфета не горькая, а сладкая!, мама, собака не маленькая, а большая. Противопоставление продолжается на уровне школы: антонимия в курсе русского языка, поиск противников и оппонентов на истории, отрицательные и положительные заряды частиц, числа со знаком «плюс» и «минус» и т.д. В прикладном аспекте противопоставление нашло применение во всех науках: и в точных, и в естественных, и в гуманитарных, причем зачастую противопоставление по одному признаку служит основой (или одной из основ) большой классификации явлений (теплокровные – хладнокровные животные; четные – нечетные числа, простые – составные числа и т.д.). Оппозицию как языковое явление исследовали в лингвистике Н.С. Трубецкой, С.Р. Карцевский и многие другие ученые. Противопоставление, контекстуальная антонимия, – яркий художественный прием, которым пользуются и писатели, и поэты (вспомним лишь хрестоматийное «Они сошлись: вода и камень, стихи и проза, лед и пламень»). Противопоставление в сознании человека существует, очевидно, столько же, сколько существует и человек разумный, и одна из древнейших оппозиций, «свой – чужой», многократно привлекала внимание исследователей, которые стремились осмыслить ее на самых разных уровнях [4]. Развивая мысль о противопоставлении «свой – чужой», Н.А. Бердяев обращается к высшей степени отчуждения «я» от «не-я», указывая на смерть как на событие, ведущее именно к полному одиночеству, полному отделению «чужого» от «своего» [2]. И если говорить об онтологическом смысле оппозиции «свой – чужой», то одной из ее реализаций, или новым уровнем ее понимания, можно назвать оппозицию «жизнь – смерть». Пересекая границу смерти, человек уже никогда не возвращается в царство живых.

Противопоставление жизни и смерти издревле волновало людей, стоит только взглянуть на многочисленные мифологические и сказочные сюжеты, в которых предпринимаются попытки (более или менее успешные) обхитрить смерть, люди отправляются в царство мертвых, чтобы спасти своих близких, смерть оказывается то злой, то доброй. С распространением христианства оппозиция «жизнь – смерть» обретает новое звучание: с одной стороны, Христос, Жизнь, победил Смерть, сойдя в ад. С другой стороны, в контексте христианского мировоззрения смерть становится лишь одним этапом, переходом в жизнь вечную.

В современной литературе, в том числе детской, смерть как событие переосмысливается по-новому, появляется смерть персонафицированная – Господин Смерть («Тонкий меч» Фриды Нильсон), Смерть у Терри Пратчета и так далее. С одной стороны, таким образом продолжается традиция древнейшая, сказочная, с другой – происходит очеловечивание смерти, придание ей неожиданных, порой вызывающих сочувствие черт.

Важность смерти как этапа или события жизни признается в любом человеческом сообществе в любые периоды человеческой истории, по-разному воплощается, но несомненно одно – ни в одной культуре смерть не воспринимается как нечто заурядное – с ней связана некая тайна, поэтому и уход человека в мир иной обставляется таинственно и таинственно, и как таинство предстает и сама смерть. Недаром погребальные культуры привлекают внимание самых разных исследователей – и археологов, и этнографов, и культурологов, и историков, и филологов. Даже сам спектр погребальных культур привлекает внимание своим разнообразием: от курганной культуры до сожжения, от пирамид до погребения в земле [1].

В христианской культуре смерти сопутствует целый ряд обязательных ритуалов и обрядов, это и обмывание тела, и чтение Псалтыри, и отпевание. В той или иной степени в разных частях Европы к этим обрядам присоединялись народные плачи, выражение утраты, эксплицируемое через голос. Для России можно указать важность отпевания как церковного обряда, сопровождающего уход человека из жизни, и плачи, причитания и т.д. – неотъемлемую часть народного прощания с умершим (подробнее см. [3]).

С изменением политического строя в России XX в. очень многие непереносимые ритуалы, сопровождающие смерть как значимое событие жизни, стали исчезать. Сыграла в этом роль и борьба с религией, и отток населения из деревень в города, и государственная пропаганда, и даже попытка сделать смерть событием не значащим, не стоящим внимания. Недаром в хрестоматийном произведении М. Светлова появляются слова «Отряд не заметил потери бойца / И «Яблочко» песню допел до конца» (отметим, что эти строки, эта идея попытки нивелировать важность смерти оказывается так значима, что на протяжении XX в. этот текст становится прецедентным: его сначала включает в свои песни Егор Летов («Гражданская оборона»), а потом и рэпер Гнойный создает ремикс-пародию на песню Летова – это лишь самые яркие примеры.

В целом в XX в. в Советском Союзе искореняется практика и церковных отпеваний, и народных голошений, но значимость смерти как события не удаётся низвести до ничтожного, поэтому

возникает культурная и онтологическая лакуна, которую необходимо заполнить чем-то не менее полноценным, чем церковное отпевание или народный плач. Продолжает развиваться традиция похоронных оркестров, но кроме того, смерть по-новому осмысливается в песнях как явления культуры, мгновенно отвечающем на запросы общества и рефлексирующем над ними.

В XX в. через осмысление в песне заполняется целый ряд онтологических лакун, имеющих чаще всего форму оппозиции, аксиологически значимых для страны и общества, и «жизнь – смерть» – лишь одна из лакун. Рассмотрим на конкретных примерах, как реализуется эта оппозиция в текстах песен и какие трансформации с точки зрения ценностной картины мира происходят в новое время, но предварительно уточним, что песни, которые попали в поле нашего зрения, были получены в результате специального эксперимента. С целью выявить роль и место отдельных песен в лингвокультуре России (и Советского Союза) в мае 2020 г. нами был создан опросник в гугл-формах, включивший в себя вопрос открытого типа «Перечислите, пожалуйста, 10 наиболее значимых (ярких, выдающихся, важных) песен на русском языке. Просьба при ответе на этот вопрос не пользоваться уже существующими рейтингами. Можно обсуждать с коллегами, друзьями, членами семьи. Можно указать больше 10 песен, но, пожалуйста, не больше 20». Вопрос был сформулирован максимально широко с целью избежать погрешностей типа «значимые для меня» или «значимые для страны» – при максимально широкой постановке вопроса значимыми песнями оказались и те, которые важны для страны, и те, которые важны лично для респондентов. На настоящий момент в опросе уже приняло участие более 550 человек, и опросник по-прежнему открыт для желающих¹. Опрос проводился полностью анонимно, его результаты еще предстоит в полной мере обработать и проанализировать, однако в настоящее время уже можно говорить о предварительных итогах – в частности, о том, что многие респонденты (по предварительным подсчетам – не менее 40% опрошенных) в числе значимых называют песни о Великой Отечественной войне (созданные во время или вскоре после войны).

В песнях военных лет и песнях, посвященных войне, ожидаемо как одна из основных тем часто встречается смерть. В нашем опросе практически все русскоязычные респонденты старше 30 лет называли военные и послевоенные песни в качестве знаковых для XX в. Среди этих песен лидируют «Катюша», «Священная война»,

¹ Если у вас, дорогие читатели, есть желание, вы можете также поучаствовать в заполнении опросника по адресу forms.gle/k9YCPq7YxqfBqsLF9.

«День Победы», «Журавли», «Темная ночь», «Смуглянка», «Эх, дороги». В половине из них семантическая оппозиция «жизнь – смерть» реализуется или полноценно, или с одним членом при имплицитно подразумеваемом втором.

Рассмотрим несколько контекстов.

Песня, которая родилась в первые дни войны – «Священная война», – ожидаемо раскрывает тему жизни и смерти (преимущественно смерти) без эвфемии, используя все полноту семантического поля «смерть» через центральную лексему и лексемы, близкие к центру.

В первой строфе появляется прилагательное «смертный». Не «смертельный», что было бы ближе к языку середины XX в., а именно *смертный*. Если сравнить словарные статьи, дающие дефиниции лексемам «смертельный» и «смертный», мы обнаружим следующее: помимо пометы «возвышенный», которая дается при слове «смертный» в значении «смертельный», у этой лексемы есть и еще одна важнейшая сема: не вечный, нечто, что может умереть, подверженное смерти. В первых строках песни – своеобразного гимна священной войне – появляется многогранное семантическое построение: война несет смерть, и величие этой смерти подчеркивается использованием слова, стилистически маркированного. Но в словосочетании «смертный бой» содержится и тот компонент значения, который важен не на уровне сознания, а на уровне подсознания, тот компонент, который за полвека до «Священной войны» описал поэт Серебряного века: «Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листья медь / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процветь и умереть». Неизбежность смерти как безусловной части человеческой жизни во время войны обнажается, получает полноту и остроту восприятия, поэтому во втором куплете («Дадим отпор душителям») ² сема смерти раскрывается как через вид смерти в виде отглагольного существительного: *душители*, так и через действия, ведущие к смерти (и здесь также важны отглагольные существительные, указывающие на субъекта действия, можно даже сказать, актора): *насилник, грабитель, мучитель*.

Кульминации тема смерти достигает в третьем куплете, раскрываясь через два ярчайших образа, которые всегда трактуются только и однозначно как смерть: *пуля в лоб* и *гроб*. Этот куплет напоминает ритуальные призывания на

кого-то: подробнейшим образом, пошагово расписывается, какая смерть ждет тех, кто посягнул на огромную страну:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

От способа достижения встречи к итогу – гробу с обоснованием, почему понадобился именно крепкий гроб, логическая цепочка выстраивается в рамках одной строфы, и такая сжатая форма, безусловно, примета нового времени – в народной традиции описание было бы развернутым и более детальным.

Есть ли здесь второй член оппозиции, жизнь? Нет, эксплицитно она не обозначается, но присутствует опосредованно, через свой основной признак: движение. Лексемы с семой «движение» присутствуют во всем тексте песни: *вставай, вскипает, идет, загоним* и т.д. Нейтральны по интенсивности только два глагола: *вставай* и *идет*, прочие же указывают на движение с высокой интенсивностью.

Еще одна песня, популярная в годы Великой Отечественной войны, – «Землянка», в которой символом жизни выступает любимая, а смерть называется напрямую:

Ты теперь далеко-далеко,
Между нами – снега и снега,
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

Вся строфа построена на четырех оппозициях, но в каждой из них представлен только один член, второй имплицитно подразумевается в структуре текста: ты далеко – смерть близко, до тебя дойти нелегко – до смерти легко (4 шага!), между нами снега – между мной и смертью нет снега (опять же 4 шага). Снег подразумевает и еще одну оппозицию, которая будет названа в следующем куплете:

Мне в *холодной* землянке *тепло*
От твоей негасимой любви.

Еще одна лирическая песня, родившаяся в годы войны, – «Темная ночь». И здесь обращение к любимой, осмысление расстояния между собой и любимыми людьми пронизано ожиданием возможной смерти.

Верю в тебя, в дорогую подружку мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в *смертельном* бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со
мной ни случилось.

Смерть не страшна, с ней встречались не раз
мы в степи.

Вот и теперь надо мною она кружится.
Ты меня ждешь и у детской кроватки не
спишь,

И поэтому знаю: со мной ничего не случится!

² «Дадим отпор душителям» традиционно исполняется после первого припева, хотя в самом тексте песни второй куплет «Как два различных полюса». Отметим, что записей песни «Священная война» с этим куплетом мы нашли только две, поэтому традиционно обращаемся к второму куплету «Дадим отпор».

Оппозиция «жизнь – смерть» и здесь реализуется при назывании одного члена и при понимании другого: «жизнь» здесь предстает через «радость», «веру», «любовь» – неотъемлемые признаки именно жизни.

Отметим важнейшую черту этих текстов – у лирического героя отсутствует страх смерти, он говорит о смерти как возможном развитии событий, но подчеркивает: смерть не страшна. Такое глубокое осмысление жизни может основываться на онтологически христианском мировоззрении (сошлемся на Тертуллиана: «О свидетельство души, по природе христианки!»), на мудрости, на примирении с действительностью – можно выдвигать различные гипотезы (нам, конечно, импонирует первая!), но несомненно одно – в государстве, «религией» которого был атеизм, страха смерти нет, есть ее принятие.

Коротко обратимся и к песне, которая была написана уже спустя 30 лет после войны, но, безусловно, известна всем людям, существующим в контексте русской лингвокультуры, – «День Победы» (по частотности упоминания она входит в безусловные лидеры нашего опроса).

Здравствуй, мама, возвратились мы не все –
Босиком бы пробежаться по росе.

Сема «смерть» реализуется через эвфемичную конструкцию, в которой имя смерти не только не скрывается, но даже не подразумевается: в любом другом контексте «пришли не все» считается лишь как неполнота предполагаемой общности людей, тогда как в тексте «День победы» противопоставление войны и мира, возможности и невозможности вернуться домой обретает совершенно отчетливый смысл: вернулись не все, потому что были те, кто вернуться не смог. Особо отметим, что адресат обращения – мать (не жена, не подруга!), т.е. участник коммуникативного акта, который не может ответить на известие о невернувшемся сыне (или дочери) иначе, кроме как молчанием. Поэтому происходит внезапная смена регистра: «босиком бы пробежаться по росе». В этой смене регистра реализуется и второй член оппозиции – жизнь с ее имманентным свойством – движением.

Конечно, жизнь и смерть волнуют людей не только во время войны: сам глубочайший онтологический смысл этой оппозиции возникает в различных контекстах. Осмысливают эту оппозицию в XX в. два автора, композитора и певца, чьи песни также стабильно находятся среди знаковых песен XX в., Владимир Высоцкий и Виктор Цой.

В нашем опросе были представлены самые разные песни Высоцкого, отметим «Разбойничью» и «Балладу о любви» – очень разные по стилю и по содержанию, они обе раскрывают

оппозицию «жизнь – смерть» разными средствами. В «Разбойничьей» смерть предстает через все виды казни: отравка, лобное место, веревка, – называется по имени и «сестра» смерти (или подручная?) – казнь. Называется и жизнь: «текет меж пальчиков паутинкой тонкою», и смерть оказывается сильнее жизни (тот же надрыв Высоцкого звучит и в «Конях привередливых»).

Иное дело – «Баллада о любви» – и здесь погибают возлюбленные от неведомой любви, но за гранью смерти оказывается новая жизнь (вечность): «и вечностью дышать в одно дыханье». Более того, оппозиция здесь достигает своего максимального выражения через гимн жизни: «я люблю и значит – я живу!»

Среди песен В. Цоя знаковыми носителями русской лингвокультуры называют «Кукушку» и «Звезду по имени Солнце».

Кто пойдет по следу одинокому

Сильные да смелые головы сложили в поле,
в бою

Мало кто остался в светлой памяти

В трезвом уме, да с твердой рукой в строю.

В картине мира Цоя смерть и жизнь противопоставлены остро, ассоциируются с борьбой и битвой: неслучайно именно сочетание «в бою» выносится в финал фразы, интонационно подчеркивается. Смерть здесь описывается через традиционный, почти фольклорный эвфемизм «сложить голову», а жизнь провозглашается лишь через солнце. Иная ситуация в «Звезде по имени Солнце»:

И мы знаем, что так было всегда, что Судьбою
больше любим,

Кто живет по законам другим и кому умирать
молодым.

Он не помнит слово «да» и слово «нет», он не
помнит ни чинов, ни имен.

И способен дотянуться до звезд, не считая,
что это сон,

И упасть, опаленным Звездой по имени
Солнце...

В одном контексте реализуются оба члена оппозиции «живет – умирать» и эта структура оппозиций раскрывается и далее: «да – нет», «дотянуться – упасть».

Оппозиция «жизнь – смерть», важная для любой лингвокультуры, в русской языковой картине мира присутствует во всех проявлениях, раскрываясь на разных уровнях аксиологического сознания. В русском языковом сознании нет страха смерти, однако есть понимание жизни за пределами смерти, и поэтому оппозиция «жизнь – смерть» получает иное звучание, чем «свой – чужой», в связи с чем можно говорить об уникальности и фундаментальности этой ценностной аксиологемы не только для русского, но и в целом человеческого сознания. ■

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» № 19-012-00609.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришков А.М. Онтология погребальной культуры в контексте развития танатологических представлений. Дис. ... канд. философ. наук. М., 2003.
2. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. vehi.net/berdyayev/mirobj/03.html#_ftn4.
3. Музыченко М.М. Музыка скорбных и траурных ритуалов России. Дис. ... канд. искусствоведения. Ростов н/Д, 2014.
4. Фельде В.Г. Опозиция «свой – чужой» в культуре. Дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2015.

References

1. Grishkov A.M. Ontologiya pogrebal'noj kul'tury v kontekste razvitiya tanatologicheskikh predstavlenij. Dis. ... kand. filosof. nauk. M., 2003.
2. Berdyayev N.A. Ya i mir ob"ektov. vehi.net/berdyayev/mirobj/03.html#_ftn4.
3. Muzychenko M.M. Muzyka skorbnnyh i traurnyh ritualov Rossii. Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Rostov n/D, 2014.
4. Fel'de V.G. Oppoziciya «svoj – chuzhoj» v kul'ture. Dis. ... kand. filosof. nauk. Omsk, 2015.

A.N. Matrusova

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

FUNDAMENTAL SEMANTIC OPPOSITION «LIFE – DEATH» IN THE RUSSIAN SONG OF THE XXth CENTURY

Russian song, semantic opposition, value, axiology, life, death.

The paper deals with the axiological subjects life and death as parts of the fundamental semantic opposition that belongs to the Russian linguistic worldview. The opposition is considered within the context of Russian songs.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

17 декабря на официальном YouTube-канале Института Пушкина состоялось торжественное открытие программы повышения квалификации «Технологии международного позиционирования России в сфере продвижения русского языка и образования».

Повышение квалификации проводится Институтом по заданию Министерства науки и высшего образования России. Денис Аширов, директор департамента государственной и молодежной политики Минобрнауки РФ, отметил важность изучения и продвижения русского языка для всего мира.

Ректор института Маргарита Русецкая обратила внимание слушателей на значимость гуманитарных ценностей, так называемый «рейтинг мягкой силы» государств. Она подчеркнула, что на сегодняшний момент Институт Пушкина – единственный институт национального языка, который реализует полную линейку направлений, включая обучение РКИ, реализацию программ высшего образования и научные исследования.

По материалам сайта pushkin.institute